

«Утверждаю»

И.о. проректора по научной работе
Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого
доктор технических наук, профессор
_____ О.С. Ипатов

Отзыв

**ведущей организации о диссертации
Красильниковой Екатерины Ивановны
«Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной
Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.)»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Диссертация Е.И. Красильниковой посвящена проблеме, которая в последние годы приобрела большую актуальность. История памятных мест и коммеморативных практик представлена в региональном измерении и, в то же время, в широком социальном контексте, на фоне поворотов и драм, пережитых российским обществом в первой половине XX века.

Бесспорна практическая значимость исследования. Исторический опыт коммеморации может и должен быть учтен в современной политике памяти Российской Федерации, практике современных государственных и общественных музеев и др. институций, формировании культурных и социальных ориентиров общества.

Историческая память прямо и непосредственно включена в систему современного политического сознания. Прошлое существует в настоящем, проецируется на будущее в качестве положительных или отрицательных обра-

зов. Способность вспоминать и идентифицировать себя с собственным прошлым придает смысл, цель и ценность нашему существованию.

Мемориальные исследования по определению носят междисциплинарный характер, являясь сферой совместной работы представителей различных наук – истории, философии, социологии, политологии, культурологии, литературоведения, психологии (Б.В. Дубин, А. Левинсон, В.В. Нуркова, С.А. Экштут, Е.А. Ростовцев, А.И. Филюшкин и др.). Эта особенность темы в полной мере отражена в рассматриваемой диссертации.

Исследование Е.И. Красильниковой интересно и в контексте городской истории, которая уже давно стала одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений исторической науки. В отечественной и зарубежной историографии получил распространение жанр «городской биографии». Исследователи (Р. Парк, К. Эббот, Т. Браун, М. Даунтон, Л. Джеррам и др.) рассматривают город как двигатель экономики и источник модернизации, как политическую институцию и культурную доминанту. Предметом интереса становится взаимодействие людей и места, структура и планирование городского пространства и пр. В последние годы российские и зарубежные ученые довольно много внимания уделяют изучению города как текста и процессам освоения этого «текста» горожанами. Е.И. Красильникова справедливо отмечает, что «урбанизированная среда представляет собой благоприятное пространство для трансформаций форм и практик традиционной культуры, обусловленных модернизацией. Город сам по себе является фактором изменений коллективной памяти» (стр. 6).

Третий аспект, делающий диссертацию Е.И. Красильниковой актуальной, – локальный. Пространственный поворот в историографии сконцентрировал исследовательское внимание на истории локуса. В классической историографии локальной истории соответствуют понятия «историческое краеведение». По замечанию Дж. Амато, местная история удовлетворяет врожденное желание человека на получение знания о месте, в котором он живет, причем, знания, формирующего не критическое, а лояльное отношение к образу

этого места. Историческое краеведение – область социальной деятельности, целью которой является обеспечение локальной коммеморации, формирование социальной памяти локуса и обеспечение на этой основе локальной идентичности.

Историографические практики последних лет свидетельствуют, что новая локальная история содействует становлению «коллективной биографии» локальной общности любого уровня. Подобные исследовательские процессы реализуются через «историю снизу» и полидисциплинарность, характерные для диссертации Е.И. Красильниковой. В тоже время, важной стороной исследования новой локальной истории является изучение истории изменения форм, структур и функций самого локального пространства в единстве вышеназванных контекстов.

Цели и задачи исследования, его территориальные и хронологические рамки логичны. Положения, вынесенные на защиту, хорошо обоснованы.

Обстоятельно проработана методология диссертации, ее терминологический аппарат (стр. 15—27). Причем автор не просто перечисляет основные концепты, связанные с мемориальными исследованиями («проработка прошлого», «салютационные практики», «сценарии забвения» и др.), но и активно использует их в тексте, соотнося фактографический материал с теоретическими основами работы.

Диссертационное исследование Е.И. Красильниковой базируется на широком круге разноплановых источников – письменных, устных, визуальных, вещественных (§ 1.2). Автором использованы материалы 10 центральных и региональных архивов, изучены некрополи Омска, Томска, Новосибирска и Барнаула, многочисленные периодические издания и т.п.

В главе 2 «Исторический некрополь городов Западной Сибири: столкновение традиций и политики памяти» по-новому раскрывается проблема места кладбища в городском пространстве. На примере исторических кладбищ Томска, Новосибирска, Омска и Барнаула в диссертации показано, как в 1920-е – 1930-е гг. власть стремилась обесценить память о «старых» элитах

(стр. 151). Важным аспектом диссертации является изучение внедрения атеистических новаций в консервативный погребальный ритуал (кремация, изменение внешнего вида надгробных памятников и т.п.). Показательны приведенные автором примеры разбивки городских садов на месте исторических кладбищ. На стр. 159—161 содержится описание комсомольского воскресника по уничтожению Старого кладбища в Новониколаевске, из которого видно, что не только власть стремилась стереть с карты города старое «место памяти», но и молодежь с энтузиазмом творила то, что мы сегодня назвали бы вандализмом. С другой стороны, как показано в диссертации, не сохранившиеся в должном порядке кладбища в 1920-е гг. превращались в места для девиантного досуга, где пьянствовали, дрались и т.п. (стр. 157, 186). В целом автору удалось показать эволюцию провинциальной некрокультуры.

Интересным представляется высказанный диссертантом тезис о том, что выработка «красного» похоронного ритуала происходила под воздействием дискурсов европейской культуры (стр. 197, 212). Этот вывод вполне согласуется с трудами других историков, в которых показан процесс трансфера европейской культуры, в том числе революционной, в России (Т. Кондратьева, Д. Сдвижков и др.).

В § 3.2. автор отмечает, что в городах Западной Сибири (Томск, Омск, Новосибирск, Барнаул) героическая традиция гражданской войны воспринималась, прежде всего, в трагическом аспекте – как память о жертвах колчаковщины. В диссертации содержится интересный материал о формировании характерного для советского общества феномена «братской могилы» (стр. 217). Автор показывает, что именно они стали основой конструирования героического революционного некрополя в 1920-е гг. При этом установление имен тех, кто покоился в этих могилах, представлялось не столь важным. В результате реальные люди – революционеры и подпольщики – нередко оказывались забытыми. В исторической памяти советского общества их заменил революционный шаблон (стр. 218).

Важным и актуальным представляется внимание, уделенное диссертантом траурным мероприятиям, связанным со смертью В.И. Ленина и С.М. Кирова (§ 3.3). Массовые проводы большевистских вождей «в последний путь» (причем для этого не обязателен был даже сам покойник, похоронные шествия проводились одновременно во многих городах) должны были впечатлять не только убежденных большевиков, но и людей, которые были мало задействованы в политической жизни. Причем, как показала Е.И. Красильникова, траурные даты и после похорон использовались в идеологических целях (стр. 254).

Особенный интерес вызывает изученный в диссертации процесс формирования «культы» С.М. Кирова, чья дореволюционная биография оказалась отчасти связана с Западной Сибирью. Автору удалось показать механизм быстрого замещения реального человека соответствующей соцреалистическому канону легендой (стр. 265).

В диссертации уделено внимание и хорошо известному в современной историографии феномену «красных похорон». Вполне убедителен вывод автора о том, что «красные похороны» выступали как салютационная практика, которой далеко не каждый заслуживал (стр. 280). «Красные похороны» служили средством выражения особых почестей в адрес умершего, тогда как смерть «несоветского» человека не стоила особого внимания. Таким образом, даже в смерти производилось разделение на «своих» и «чужих», характерное для сталинского периода.

Всесторонне показана в диссертации коммеморативная составляющая государственных праздников, прежде всего, годовщин Октябрьской революции (§ 4.1). Е.И. Красильникова выделила основные черты официального нарратива Октября, показала, как власть дополняла живую память горожан (по большей части, современников этих событий) с целью построения целостной картины революции. Диссертантом использованы интересные материалы массовых вечеров воспоминаний (стр. 315—319), отмечена роль парадов и праздничных демонстраций в формировании эмоциональной составля-

ющей памяти об Октябрьской революции (стр. 321—323) и пр. При этом автор справедливо указывает на постепенное исчезновение истории из практики Октябрьских торжеств, концентрации праздника на настоящем и будущем. Обращение к событиям 1917 года стало ритуалом, подчеркивавшим достижения советской эпохи. Еще один примечательный вывод, связанный с советскими революционными праздниками: вытеснение локального компонента исторической памяти общесоветским (стр. 345).

Заключительная глава диссертации посвящена репрезентации прошлого в краеведческих музеях. Как показано в диссертации, власть воспринимала музей не как часть культурного наследия, но как пропагандистский механизм. Можно сказать, что коммунистическая модель музея отсекала современного человека от истории. Природная и общественная среда представляла в этой концепции фактором, отражавшимся на жизни общества сегодняшнего дня. Ведь, как показал Т. Беннет, музей является не только выставкой объектов, но и выставкой субъектов, способом упорядочения социального поля, создает «общество, которое наблюдает за самим собой».

Не случайно отмечаемое диссертантом постоянное требование власти к музейным работникам – больше показывать современность, чем прошлое, освещать вопросы текущей политики. Музеи использовались для проведения актуальных массовых кампаний, для пропаганды режима. «Политизация» музейного дела на долгие годы затормозила развитие местных музеев как в Западной Сибири, так и в других регионах Советского Союза.

Всесторонне показана в диссертации роль государства в музейном деле. В работе преобладают негативные оценки государственной политики в этой области. В диссертации содержатся многочисленные примеры пренебрежения власти музейными ценностями, постоянного «перетряхивания» кадров музейных работников и т.п.

Большую ценность представляют многочисленные приложения к диссертации (т. 2).

В целом диссертация Е.И. Красильниковой является фундаментальным исследованием важной и актуальной проблемы отечественной истории, выполненным на высоком профессиональном и научном уровне. Центральные положения диссертации доказаны и не вызывают сомнений.

К отмеченным недостаткам работы можно отнести следующее:

1. Историографический обзор носит разноплановый характер и содержит проблемный анализ большого числа работ. Однако автор отказалась выделить определенные хронологические этапы научного изучения темы, рассматривая всю историографию как современную. Эта позиция обоснована тем, что «вопросы коллективной памяти в рамках сибиреведения были поставлены недавно» (стр. 39). На наш взгляд, стоило показать особенности историографии советского и постсоветского периодов, тем более что отдельные сюжеты диссертации (формирование героической традиции гражданской войны, историческое краеведение, история музейного дела, история городов и пр.) активно изучались в XX веке.

2. Автор заявляет об использовании устных источников (стр. 104). Однако записанные ею шесть интервью со старожилами Новосибирска трудно назвать репрезентативными. Кроме того, в приложении стоило бы поместить программу интервью или расшифровку стенограмм.

3. Некоторые важные для понимания темы исследования сюжеты только упомянуты в диссертации, но требуют более подробного изложения: изменения в городской топонимике (стр. 260); включение в городское пространство новых памятников, установление мемориальных досок (стр. 324); формирование массовых исторических представлений о дореволюционном прошлом (стр. 227, 311, 367, 452); план монументальной пропаганды (стр. 225); деятельность Истпарта в Сибири (стр. 310).

4. В некоторых местах встречаются «глухие» архивные ссылки, из которых невозможно понять, на какие документы ссылается автор (стр. 178, 179, 195, 201 и др.).

Сделанные замечания не носят принципиального характера и не влияют на общую положительную оценку диссертации.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что диссертация Е.И. Красильниковой представляет собой труд, предлагающий творческое решение важной научной проблемы, волнующей современное общество, имеющей большую теоретическую и практическую значимость.

Основные положения диссертации отражены в 51 публикации автора. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

По всем перечисленным научным результатам диссертационная работа Е.И. Красильниковой отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, и соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г.

Автор диссертации «Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.)» Екатерина Ивановна Красильникова заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв составлен доктором исторических наук, профессором кафедры С.Б. Ульяновой. Обсужден и утвержден на заседании кафедры 6 июня 2016 г. (протокол № 10).

Зав. кафедрой «История» СПбПУ,
доктор исторических наук, доцент

Кулик С.В.